

УДК 821.161.1-192(Башлачев А.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,445
Код ВАК 10.02.01
ГРНТИ: 16.21.43

А. И. БОЙКОВ

Ярославль

ПРИЛОЖЕНИЕ КАК ПРИЗНАК

МИФОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЁВА

Аннотация: В статье рассматриваются особенности употребления аппозитивных конструкций в текстах А. Башлачёва с точки зрения мифопоэтики. Определены функции обособленных и необособленных приложений, разработана шкала предикативности приложений, выделена типология аппозитивных комплексов. Автор приходит к выводу, что приложение является одним из основных приёмов синтаксической выразительности Башлачёва, отражающим слитное восприятие действительности мифологическим сознанием.

Ключевые слова: Башлачёв, приложение, поэтический синтаксис, мифологическое сознание, аппозитивный комплекс.

Сведения об авторе: Бойков Алексей Игоревич, кандидат филологических наук.

Место работы: ООО «ЛАНИТ-Волга».

Должность: инженер.

Контакты: 152934, Ярославская область, г. Рыбинск, ул. Пушкина/Плеханова, д. 63/5; bikestein@mail.ru.

A. I. BOIKOV

Yaroslavl

APPOSITION AS A FEATURE OF ALEKSANDR BASHLACHYOV

MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS

Abstract: The article is devoted to peculiarities of apposition usage in Bashlachyovs lyrics in the light of its mythopoetics. It reveals functions of separate and segregated appositions, develops predicativity degree of appositions and classifies complex appositions. The author concludes that apposition is one of the main expressive means of Bashlachyovs syntax, which represents undifferentiated worldview of mythological consciousness.

Key words: Bashlachyov, apposition, poetic syntax, mythological consciousness, complex apposition.

About the author: Boykov Alexey Igorevich, Candidate of Philology.

Place of employment: LLC "LANIT-Volga".

Post: Engineer.

Многие исследователи (В. А. Гавриков, С. В. Свиридов, С. С. Шаулов и др.) рассматривают творчество Александра Башлачёва с позиций мифопоэтики, выделяя единый «квазисюжет» башлачёвского мифа. В этом ас-

пекте представляет интерес использование поэтом приложений, поскольку приложение отражает мифологические представления о нерасчленённости предмета и его свойства, признака. На это указывает А. А. Потебня, описывая отношение символа (образа сравнения) к определяемому в народной поэзии: «Символ как приложение сливается с обозначаемым в одно целое» [4, с. 6]. О. Г. Ревзина перечисляет те коннотации, которыми наделены необособленные приложения в поэтической речи: «С необособленным приложением (аппозицией) связываются такие коннотации, как “мифическое”, “народное” мышление (Потебня), принадлежность “старинному”, “народному” языку (Буслаев) и, конечно, народному творчеству» [5, с. 404]. Активное использование поэтом значений и коннотаций, которые присущи приложению как синтаксической конструкции, является одним из признаков мифологического сознания Башлачёва.

В поэтических текстах Башлачёва представлены как обособленные приложения, относящиеся к традиционному синтаксису, так и необособленные приложения. Обособленные приложения в ранних текстах выполняют характеризующую функцию: «Побрёл домой, разбрасывал *патроны*, / *Последнее сокровище своё*» [2, с. 23]; «А *Рейган – вор*, *ковбой и педераст* – / Поставил мир на ядерную карту» [2, с. 59]; «Ату его, *вредителя!*» [2, с. 68] и др. Поясняющая и характеризующая функции совмещаются при определении местоимения: «Я приглашаю вас к барьеру – / *Моих испытанных врагов*» [2, с. 28]; «Велики все слова / Тебе – *лиллипуту в стране Гудливеров*» [2, с. 56]. В том случае, если приложение и определяемое слово связаны деривационными или гипо-гиперонимическими отношениями, на функцию характеристики накладывается конкретизирующая функция: «Ко мне уже слеталось *вороньё*, / *Голодные безумные вороны*» [2, с. 22]; «А вороны уже клевали *солнце* / *Слепое солнце завтрашнего дня*» [2, с. 23]; «И слов своих топил я *корабли* / *Красивые эсминцы и фрегаты*» [2, с. 24].

В текстах позднего периода обособленные приложения, выполняя характеризующую функцию, приобретают оценочное значение: «*Лакированный спрут*, Он приветлив и смазан» [2, с. 96]; «Эх, *Егорка ты, сын запрещины!*» [2, с. 101]; «Только вырастет новый мальчик / За меня, *гада*, воевать» [2, с. 114] и др. Испытывает определённые изменения и поясняющая функция приложений. Конструкции с приложениями теперь раскрывают содержание не местоимения, а определённого символа, значимого в контексте творчества поэта: «*Короткую жизнь – Семь кругов беспокойного лада* – / Поэты идут» [2, с. 128]; «*Сухими дровами – своими словами*, / Своими словами держи в печке пламя» [2, с. 135]. Интересен механизм раскрытия символа. Символ, входя в текст в качестве приложения, влетается в основную синтаксическую ткань и создаёт пространство «над-смысла» в обыденном, «профанном» дискурсе. Иными словами, поэт не объясняет символическое рациональным, а наоборот, рациональное объясняет символическим.

В позднем творчестве Башлачёв расширяет нормативные возможности обособленного приложения. Поэт использует потенциал предикативности, заложенный в обособленном приложении. Усиление предикативности приложения у Башлачёва можно представить в виде шкалы. На первой ступени этой шкалы располагаются приложения, не отступающие от нормы литературного языка; в них предикативность развивается за счёт использования полупредикативных неспрягаемых форм глагола: «Что, крутят вас *винты похмельные – с утра пропитые кресты нательные?*» [2, с. 90]. Здесь полупредикативность, присущая обособленным приложениям, усиливается причастным оборотом.

На второй ступени шкалы находятся такие конструкции, где в качестве приложения выступает предикативная идиома или цитата: «Погадай ты мне, *тварь певучая, / очи чёрные, очи жгучие*» [2, с. 102]; «Эй, *нищета – за душой ни копы!*» [2, с. 114]. Такие приложения не выходят за рамки нормы, поскольку идиомы и цитаты обладают признаком структурной цельности, благодаря чему они способны выступать в качестве одного члена предложения, но их предикативность ощущается уже гораздо сильнее.

Последней стадией (верхней ступенью) обретения приложением предикативности является его синтаксическое обособление в самостоятельное предложение с сохранением возможности двойкой интерпретации, обусловленной специфической особенностью рок-поэзии, звучащая природа которой размывает фразовые границы текста. Действительно, в текстах Башлачёва частотны синтаксические «сцепки» следующего типа: двусоставное предложение + номинативное предложение с главным членом, выраженным той же словоформой, что и подлежащее в предшествующем двусоставном предложении, либо словом, относящимся к подлежащему предшествующего предложения как определяющее к определяемому. По своей семантике такие номинативные предложения идентичны обособленным приложениям: характеризуют определяемое подлежащее в двусоставном предложении: «Из раны бьёт *Нева. Пустые рукава*» [2, с. 105]; «Тяжелым запахом дыша, меня кусала злая *вша. / Чужая тыловая вша*» [2, с. 129]; «*Душа* звенит. *Обычная душа*» [2, с. 129] и др.

Наиболее частотны в поэтическом идиолекте А. Башлачёва необособленные приложения: 104 приложения из 149 (70 %). Приложения-наименования выделяются нарушением согласовательных норм. В тексте «Хор мальчиков капелле» с помощью приложений моделируются семейные отношения в капелле: «Пускай же *дядя Юра Александров* / Готовит место в летописи нам» [2, с. 32]; «Нас видеть вместе был бы очень рад / На нашей сцене *дедушка Разживин*» [2, с. 32]. Необычность приложений *дядя* и *дедушка* заключается в том, что термины родства редко употребляются в качестве приложений к фамилии человека или к сочетанию имени с фамилией, обычно просто к имени. Термины родства в качестве приложений создают абсурдную ситуацию в песне «Верка, Надька, Любка», где прило-

жения и определяемые «перепутаны»: «Плюс тетя *Серезжа*, плюс дядя *Наташа*... / Короче, не всё ли равно» [2, с. 125].

В песне «Слёт-симпозиум» определение названий населённых пунктов приложениями-наименованиями служит реализации художественного замысла, согласно которому участники симпозиума, представляющие свои города, метонимически замещаются названиями этих населённых пунктов. Это создаёт комический эффект: «С поклоном обращается к вам тётушка *Ойрона*» [2, с. 66]; «И диссидент *Шиши* горел красивым синим пламенем» [2, с. 68]; «Так заявила грамотный товарищ *Усть-Тимоница*» [2, с. 67]. В последнем примере комический эффект усиливается различием в согласовании родовых форм глагола (с определяемым словом *Усть-Тимоница*) и прилагательного (с приложением *товарищ*).

Приложения-наименования играют определённую роль в десакрализации религиозных концептов. С помощью приложений устанавливается связь между плотником *Демьяном* и его коллегой *Христом* в песне «Похороны шута». В песне «Имя имен» с помощью приложения переносится на русскую почву образ Девы Марии: «Небо в поклон / До земли обратим тебе, юная девица *Маша!*» [2, с. 144].

Широким спектром значений представлены приложения характеристики. Они могут просто констатировать определённый статус определяемого существительного: *с соседкою-вдовою, хрущевки-коммуналки, у маленького города Шиши, месяц-май* и др. Некоторые приложения характеристики содержат оценочные коннотации: *вредитель Лех Валенса, домовый-проказник, лохи-блохи*. Приложение *Царь* Башлачёв использует 3 раза, характеризуя предмет как самый выдающийся, главный в своем классе: *ба-тюшка Царь-колокол, Царь-Пушкин, из Царь-пушки*. Выдающийся статус предметов, определяемых приложением *Царь*, подчёркивается при публикации написанием приложения с прописной буквы, а в первом примере ещё и «наслоением» приложения с близким значением *батьюшка*.

В особую группу стоит выделить приложения, в которых место характеризующего компонента занимает слово отличной от определяемого слова категориальной семантики, часть слова или морфема. В песне «Егоркина былина» разрабатывается такой тип приложений, в котором зависимый компонент – отглагольное существительное - определяет слово с конкретно-предметной семантикой: *рвань-фуфаячка, дрань-ушаночка, вонь-портяночки, пол-топтун, стол-шатун*. В этих приложениях предмет и действие, производимое им или над ним, едины и неотделимы друг от друга, что превращает их в «субстанциональное подобие живого существа» [3, с. 23]. Особенно интересны последние два примера, в которых вступают в противоречие субъектная словообразовательная модель с суффиксом *-ун-* и объектное значение этих окказиональных дериватов в составе приложений. Сочетания же *цап-царанки* и *кап-кап-каплею* открыты для интерпретации. Можно рассматривать элементы *цап* и *кап* как корневые морфемы соответствующих глаголов (*цапать, капать*), выносящиеся в прило-

жение с удвоением морфемы во втором случае. Можно рассматривать приложения *цап* и *кап* как глаголы мгновенного вида. В случае с *кап-кап* можно также говорить о звукоподражательном слове в качестве определяющего компонента приложения. В этих конструкциях прочно соединяются действие и субъект.

Слова конкретно-предметной семантики нередко определяются абстрактными существительными с отвлечённым значением: *горе-атаманы*, *звон-фольга*, *пожар-самовар*, *Варвара-краса*, *жар-птица*. Такие сочетания характерны для народно-поэтической стилистики, что иллюстрируют два последних примера. Некоторые из них с определённой долей условности можно трансформировать в атрибутивные сочетания: *звонкая фольга*, *горемычные атаманы*, *жаркий самовар*, *красивая Варвара*. Но при такой «конвертации» неизбежны существенные потери смысла, выражаемого именно синтаксической формой приложения, которая представляет свойство и предмет в их нерасчленённости: *звон-фольга* это не ‘звонкая фольга’, а именно ‘фольга как звон’. Все эти примеры иллюстрируют мысль А.А. Потебни о том, что прилагательные возникли из существительных, выступая, таким образом, признаками архаичного мифологического сознания Башлачёва.

Ещё одним языковым фактом, обнаруживающим мифологизм Башлачёва, является высокая частотность так называемых *геминированных сочетаний* (О.Г. Ревзина), в которых объединяются слова, имеющие общую сему в значении. Компоненты таких сочетаний находятся в отношениях взаимоопределения, варьируя и интенсифицируя значения друг друга. Башлачёв использует как устойчивые народно-поэтические формулы (*грусть-тоска*, *вершки-корешки*, *стежка-дорожка*), так и окказиональные образования: *нары-полати*, *сыть-испарина* и др. Можно выделить следующие семантические типы геминированных сочетаний в текстах Башлачёва:

а) Приложения, образованные сочетанием синонимичных или близких по значению слов: *вина-водки*, *печаль-тоска*, *на дыру-прореху*, *нары-полати* и др. Такие сочетания имеют один денотат и вносят в его значение отдельные семантические оттенки.

б) Приложения, образованные сочетанием слов, обозначающих смежные понятия, которые также могут объединяться причинно-следственными отношениями: *драки-пьяночки* (драка как следствие пьянки), *сыть-испарина* (проявления болезненного состояния человека), *пьянка-гулянка* (там, где гулянка, обычно и пьянка). Такие сочетания обозначают два тесно связанных между собой денотата.

в) Приложения, образованные сочетанием слов, обозначающих два противопоставленных по какому-либо признаку понятия, контекстуальные антонимы: *вершки-корешки* (противопоставление по признаку ‘верх-низ’). Такие сочетания обозначают всеохватность какого-либо явления, называя

его крайние полюса. Башлачёв редко использует этот тип геминированных сочетаний, обычно обыгрывая народнопоэтические формулы.

г) Приложения, образованные сочетанием однокоренных слов: *поле-полюшко*, *Коля-Колюшка*, *удочки-удила*, *песни-песенки*, *овражины-оврага*. Такие сочетания имеют выраженные народнопоэтические коннотации; варьирование значения компонентов приложения осуществляется в пределах семантики, выражаемой морфемой. В приложении *овражины-оврага* Башлачёв создаёт окказиональное слово *овражина*, производящей основой которого является, вероятно, слово *овраг* (выбор в пользу этого варианта обусловлен именно однокоренным компонентом приложения) с наложением значения слова *вражина* (от *враг*).

Метафорические приложения выражают бóльшую степень слитности определяемого предмета и его признака, нежели сравнительные конструкции, и в то же время не имеют оттенка превращения, свойственного творительному сравнению. У Башлачёва объединение слов в аппозиционную конструкцию с метафорическим значением часто мотивируется близостью их фонетического состава: *платья-паутинки*, *па-павк*, *с весточки – весны*, *недоотрогу-нить*, *глазами-слизнями*.

Иногда метафорические приложения представлены в контексте парами, контрастными либо связанными развитием общей метафоры. В песне «Музыкант» противопоставление минора и мажора подкрепляется синэстетическим ощущением, в котором соединяются слуховое восприятие и температурное: «Возникал дирижер. / Приносил лёд-минор и горячее пламя-мажор» [2, с. 78]. В песне «Рашид + Оля» в приложениях развивается метафора времени, связанная с лунным циклом: «У любви – двенадцать братушек-месяцев, / А луна сестренкою на меду» [2, с. 156]; «У любви – двенадцать рогатых месяцев, / Да луна-пастушка всегда при них» [2, с. 156].

Приложения-метафоры определяют существительные – обозначения времени: «Вспомним зиму нашу – *снежные кафтаны*» [2, с. 74]; «И прыщавый студент – *месяц Март* / Трахнет *бедную старуху-зиму*» [2, с. 72]; «И мутным киселём в оконной раме / Уже застрял *толстяк – январский день*» [2, с. 24]. Стоит отметить, что персонифицированные образы времени характерны для поэтического идиолекта Башлачёва, поскольку время, в соответствии с мифологическими представлениями, осознаётся поэтом как действующая сила.

В. А. Гавриковым уже отмечалось, что приложения являются у Башлачёва одним из средств олицетворения [1, с. 126], которое рассматривается учёным как важный аспект башлачёвского мифологизма, поскольку «мёртвой природы не было: она вся была жизнью, вся – духом, вся – божеством»¹. Действительно, приложения-олицетворения у Башлачёва носят мифологический характер, одушевляя не только время, но и явления при-

¹ Хюбнер К. Критика научного разума. Цит. по [1, с. 125-126]

роды: «Чёрных туч котлы чугунные кипят / Да в белых трещинах шипят *гадюки-молнии...*» [2, с. 90]; «отворив замки *Громом-посохом,* / в белом саване / Снежна Бабушка...» [2, с. 103]. В последнем примере *Гром-посох* является не столько поэтизированным олицетворением, сколько настоящим магическим предметом, принадлежащим мифологическому персонажу и имеющим амбивалентную природу, поэтому здесь трудно отделить определяемое от определяющего.

Яркой чертой идиолекта Башлачёва является приём, который мы условно называем *наслоением приложений*. Это объединение в одной конструкции двух или более приложений, в результате которого образуется сложный аппозитивный комплекс. Наслоение приложений может быть последовательным, когда каждое следующее приложение определяет не стержневой компонент, а всю предшествующую часть конструкции: «бабушка Царь-колокол» [2, с. 54]; «дядя Миша – косолапый хозяин» [2, с. 72]; «Выдающийся детский фокусник / Вечный бабушка Дед-Мороз» [2, с. 113]. В последнем примере *Дед* – определяемое слово, *Мороз* – приложение первого уровня, *Вечный бабушка* – приложение второго уровня, *Выдающийся детский фокусник* – приложение третьего уровня. Степень семантической слитности определяемого слова и приложения зависит от уровня приложения: чем выше уровень приложения, тем ниже степень семантической слитности. *Дед-Мороз* – практически неразложимое на синхронном уровне сочетание, ставшее наименованием мифологического персонажа, что, возможно, подчеркивается дефисным написанием. Приложение *вечный бабушка* коррелирует с аппозитивной конструкцией первого уровня: слова *бабушка* и *дед* соотносятся друг с другом как термины родства, кроме того конструкция объединена религиозно-мифологической коннотацией. Приложение верхнего уровня *выдающийся детский фокусник* выступает в роли характеризующей метафоры по отношению к остальной части конструкции.

Ещё один вид наслоения приложений – параллельное (или радиальное), при котором каждое из приложений относится только к определяемому слову. Ярким примером параллельного наслоения приложений является конструкция *ягода-злодейка-отрава*. Приложения *злодейка* и *отрава* близки по коннотативному значению и определяют один компонент *ягода*. Такой тип наслоения позволяет охарактеризовать предмет с разных сторон, оказывающих взаимовлияние на восприятие друг друга.

Наконец, можно выделить такой тип наслоения приложений, как групповое, при котором приложения обладают большей степенью семантической слитности по отношению к другим приложениям, нежели к определяемому слову, и характеризуют его целой группой приложений, а не по отдельности. Это возможно при использовании геминированных сочетаний в качестве аппозиции, поскольку в них трудноразличимы зависимый и определяемый компонент, и при создании окказиональных мифологических имён собственных на основе имён нарицательных. Первый вариант

группового наслоения представлен конструкцией *ворьё заточки-розочки*, где геминированное сочетание *заточки-розочки* определяет слово *ворьё*.

Особенностью второго варианта является размытость границ между определяемым словом и приложением внутри конструкции, связанная со сложносоставным характером окказионального собственного имени: *Мельник Ветер-Лютый Бес*; *Бог Никола-Лесная Вода*. Эти аппозитивные конструкции имеют несколько вариантов внутрифразового членения. Рассмотрим их на примере конструкции *Мельник Ветер-Лютый Бес*:

а) *Мельник* – приложение. *Ветер-Лютый Бес* – определяемое имя собственное;

б) *Мельник* – определяемое слово. *Ветер-Лютый Бес* – аппозитивная группа из двух приложений наподобие геминированных сочетаний.

в) *Мельник Ветер* и *Лютый бес* – две части аппозитивной конструкции, каждая из которых может выступать и в роли определяемого слова, и в роли приложения.

Особенность таких сочетаний состоит в невозможности их однозначного внутрифразового членения, благодаря чему они приобретают очень сильную степень семантической слитности всех компонентов, образуя прочный конгломерат лексических значений, замешанный на аппозитивных отношениях. Это отличает групповое наслоение от последовательного наслоения, которое выстраивает чёткую иерархию степени семантической слитности компонентов. Между этими полюсами располагается параллельное наслоение, при котором чётко отделяются определяемое слово и приложения, однако иерархии семантической слитности не выстраивается. Все признаки одинаково отождествляются с предметом, как бы образуя вокруг него кольцо перетекающих друг в друга субстанциональных признаков.

Мифологическое сознание воспринимает действительность слитно, нерасчленно, что и проявляется в аппозитивных синтаксических конструкциях, поскольку они представляют собой цельные номинативные образования, в которых признак равен предмету, вещь неотделима от её проявления. О. Г. Ревзина, предлагая абстрагироваться от восприятия приложения сквозь призму атрибутивных конструкций, видит выразительную силу приложений именно в этой неотделимости вещи от свойства: «...само по себе приложение не содержит в себе никакого указания на иерархию входящих в него элементов и “сцепленных” в нём признаков, его собственная семантика – это соположение, совместное присутствие в мысли или в ситуации» [5, с. 412]. Это синтаксическое значение приложений привлекает Башлачёва, поэтому в его произведениях приложения являются одним из основных выразительных средств синтаксиса.

Литература

1. *Гавриков В. А.* Мифопоэтика в творчестве Александра Башлачёва [Текст] / В. А. Гавриков. – Брянск: Ладомир, 2007. – 292 с.

2. *Наумов Л.* Александр Башлачёв: человек поющий [Текст] / Л. Наумов. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2010. – 440 с.
3. *Потебня А. А.* Об изменении значения и заменах существительного [Текст] / А. А. Потебня // *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике: в 4 т. – М.: Просвещение, 1968. – Т. 3. – 551 с.
4. *Потебня А. А.* Символ и миф в народной культуре [Текст] / А. А. Потебня. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.
5. *Ревзина О. Г.* Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта [Текст] / О. Г. Ревзина. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. – 600 с.